

После ужина Ху Шифэй и Те Ху вслед за служанками отправились обустроиваться в гостевом дворике. Ань Чанцин умылся и переоделся раньше обычного, но спать не ложился, а мерил шагами комнату. Все его мысли занимали слова Сяо Чжигэ: Ань Чанци не переживет эту ночь. Хотя он и знал, что Сяо Чжигэ никогда его не обманет, сердце все равно не находило покоя. Ань Чанцин боялся какого-нибудь случайного немыслимого исхода: вдруг Ань Чанци выживет? Тогда все последующие планы рухнут.

Если же Ань Чанци умрет этой ночью, это не только вбьет клин между братьями Ань Чжикэ и Ань Чжишоу и лишит поместье Ань покоя, так что им станет не до нападков на них с матерью. Это также позволит использовать ненависть госпожи Сунь к госпоже Ли, чтобы помочь ему разоблачить козни последней и вывезти родную мать на лечение.

После того как Ху Шифэй подтвердил, что с лекарственным рецептом что-то не так, подозрения Ань Чанцина пали именно на госпожу Ли.

Цветы Цяньчжунцзинь не считались особо редкими или дорогими. Изнеженная знать обычно находила их недостаточно пышными и редко сажала в своих садах. Но в поместье Ань их почему-то посадили повсюду, а за двором Ланьхун и вовсе разбили целую рощу. Каждую пору цветения густой аромат одурманивал воздух, а лепестки кружились в танце. Для непросвещенного глаза — чарующая картина, но на деле она таила смертельную опасность.

Ань Чанцин долго всматривался в свои воспоминания и наконец укрепился в мысли: эти цветы появились в усадьбе вскоре после того, как он упал в воду.

А приложить к этому руку вероятнее всего могла лишь законная мать — госпожа Ли.

Главная супруга госпожа Ли была второй законной дочерью графа Юнсина. Сам граф не занимал государственных постов, однако славился благотворительностью и добросердечием, отчего доброе имя в Ецзине распространялось и на двух его дочерей. Старшая вышла замуж за старшего законного сына маркиза Канлэ, а младшая досталась в жены Ань Чжикэ — маркизу Цзинань и государственному министру Да Е.

Войдя в семью Ань, госпожа Ли прибрала к рукам управление хозяйством. Прославив великодушной и сдержанной женщиной, а затем родив старшего законного сына, она упрочила свое положение так, что поколебать его не мог никто. Единственным человеком, кто в свое время представлял хоть какую-то угрозу ее власти, была наложница Юй.

Наложница Юй вошла в дом уже после госпожи Лю. Судя по отрывочным сведениям, сохранившимся у Ань Чанцина, Ань Чжикэ несколько лет души в ней не чаял. В те годы они жили в полной гармонии, и главный министр даже на время охладел и к законной жене, госпоже Ли, и к наложнице Лю. А уж когда наложница Юй одна за другой родила сына и дочь, ее влияние в поместье взлетело на недостижимую высоту.

Однако счастье длилось недолго. Когда Ань Чанцину исполнилось четыре года, наложница Юй чем-то невероятно прогневала Ань Чжикэ. Тот вспылил в страшном гневе и с тех пор ни разу не переступал порог двора Ланьхун. С той поры наложница Юй смирилась с судьбой, забилась в свой угол, не плела интриг, не устраивала сцен и жила исключительно ради двоих детей.

Но те несколько лет, когда она купалась в любви и роскоши, хотя и непреднамеренно, занозой засели в чужой памяти.

Раньше Ань Чанцин думал, что их ненавидит одна лишь госпожа Лю — в конце концов, именно она все эти годы цеплялась к ним при каждом удобном случае. Но теперь выходило, что вечно

чинная и благородная законная мать, хоть и не действовала открыто, на деле тоже могла быть замешана в темных делах.

Если это действительно госпожа Ли... В голове Ань Чанцина постепенно складывался четкий замысел. Оттого он и нервничал все сильнее, то и дело бросая взгляды на дверь: он отправил человека следить за поместьем Ань, и едва Ань Чанци испустит дух, весть тут же дойдет до него.

— Пройдет от силы один час, и лазутчик вернется, — раздался низкий голос Сяо Чжигэ. Он полулежал на ложе с книгой по военному искусству и, видя, как юноша непрерывно снует взад-вперед, заметил: — Смятение в мыслях — главная оплошность военачальника.

Однако Ань Чанцин услышал лишь первую часть фразы. Он поспешно подался вперед и, оперевшись руками о ложе, уточнил:

— Правда? Откуда ты знаешь?

Все его мысли были заняты другим, поэтому он даже не заметил, насколько двусмысленным выглядело его положение: одной босой ногой он стоял на ложе, коленями упершись в покрывало, навалившись всем телом к Сяо Чжигэ; тесемки на исподней рубаше ослабли, и широкий ворот распахнулся, открывая взору гладкую белую кожу.

Дыхание Сяо Чжигэ мгновенно стало тяжелее. Глядя на то, как юноша, сам того не сознавая, ластится к нему, он про себя тихо вздохнул. Протянув руку, князь аккуратно расправил его воротник, а затем, обхватив юношу за талию, полуприподнял и перетащил к себе на ложе, укрыв одеялом.

— Во второй половине дня остававшихся в аптеке «Дэжэньтан» двоих лекарей спешно призвали в поместье Ань.

Зачем отправляться в поместье Ань в такой час — объяснять не требовалось. Очевидно, один лекарь уже не справлялся, и пришлось привлекать дополнительные силы.

Только тогда Ань Чанцин немного успокоился. Он смирно лежал некоторое время, но вскоре опять перевернулся, сел и надул губы:

— Не получается. Я не могу заснуть.

Он напоминал ребенка, которому рассказали сказку лишь наполовину, и тот, не узнав развязки, капризничает и отказывается спать.

Сяо Чжигэ молча смотрел на него несколько мгновений, а затем тяжело вздохнул, уступая:

— Ну раз так, не спи.

Ань Чанцин торжествующе улыбнулся и совершенно естественно прижался к его плечу, вытягивая шею, чтобы заглянуть в трактат по военному делу:

— Расскажи мне про это! Почитай вслух.

Сяо Чжигэ озадаченно нахмурился. За свою жизнь он прочел неисчислимое множество военных книг, но никогда никому их не пересказывал и понятия не имел, как это делать. Помолчав под прикованным к нему ожидающим взглядом Ань Чанцина, он перевернул

страницу на самую первую и начал зачитывать слово в слово.

Ань Чанцин надеялся услышать какую-нибудь увлекательную историю, но когда понял, что тот просто читает текст, сперва обомлел, а затем улыбнулся своей наивности. Ну в самом деле, с чего бы этому человеку уметь рассказывать сказки?

Склонив голову на широкую, надежную грудь мужчины, Ань Чанцин прищурился, слушая его чтение. Голос князя звучал низко и бархатисто, каждое слово было четким, а в намеренно неторопливом темпе скрывалась нежность, ощутить которую можно было, лишь внимательно вслушавшись.

Слушая чтение, Ань Чанцин сам не заметил, как начал погружаться в сон.

Заметив, что юноша закрыл глаза, Сяо Чжигэ отложил трактат и опустил взгляд.

Юноша прижимался к его груди: половина лица уткнулась в ткань одежды, а вторая скрывалась за рассыпавшимися темными прядями. Видны были лишь густые длинные ресницы да точеный кончик носа. Ресницы едва заметно вздрагивали, а нос тихонько посапывал — зрелище невероятно трогательное.

Текст военной науки, который князь знал наизусть, застрял у него в горле. Сяо Чжигэ умолк. Убедившись, что юноша крепко спит, он не удержался и протянул руку: слегка задел пальцем трепещущие ресницы, а затем коснулся округлого кончика носа.

Словно потревоженный в сладком сне, юноша тихонько простонал и, выражая недовольство, уткнулся лицом еще глубже в его грудь.

Глухое биение сердца в груди Сяо Чжигэ стало еще громче и чаще. Он слегка сжал пальцы, крепче обнял юношу второй рукой, а на его губах мельком скользнула едва заметная улыбка.

Хотя поза была не слишком удобной, Сяо Чжигэ не стал перекладывать его. Он так и остался сидеть, бережно баюкая Ань Чанцина в своих объятиях.

Так прошло больше получаса, пока у дверей не раздался голос Ань Фу, докладывавший о приходе слуги.

Сяо Чжигэ прикрыл уши спящему юноше и тихо бросил:

— Войди.

Слуга, отправленный на разведку, бегло шагнул в комнату и уже собирался доложить, но, подняв голову, увидел за ширмой силуэты двух обнявшихся людей. Мысли у него мгновенно спутались, и лишь заикаясь, он смог выдать:

— Ань Чанци мертв.

— Понял. Свободен.

Сяо Чжигэ убрал руки и, глядя на безмятежно спящего на его груди юношу, одним движением погасил свечу на столе.

Все дела подождут до завтра.

Автор хочет сказать:

Трусливый князь: Завтра вечером сменю книгу.

Наш князь все так же послушен своему сердцу~

Ань Чанцин проспал до самого утра. Когда зимнее солнце пробилось сквозь оконный шелк и упало ему на лицо, он мгновенно очнулся, разом сел на кровати и первым делом спросил:

— Ань Чанци умер?

Как раз в этот момент в комнату вошел Сяо Чжигэ, только что закончивший упражняться с копьём на свежем воздухе. Услышав вопрос, он на мгновение замер, а уголок его губ странно дернулся:

— Скончался еще глубокой ночью.

Ань Чанцин осознал сказанное, медленно повернул к нему голову и недовольно пробормотал:

— Почему ты не разбудил меня вчера?

— Ты спал. Это не к спеху, — ответил Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин уже привык к его скупым фразам и сам додумал смысл: Сяо Чжигэ, должно быть, считал гибель Ань Чанци неизбежной, и узнает он об этом раньше или позже — разницы нет, вот и не стал его тревожить.

Подумав об этом, Ань Чанцин поднялся, переоделся и, умывшись с помощью Ань Фу, поинтересовался:

— Из того дома уже должны были прислать вестника?

Не успел он договорить, как Ван Фугуй ввел в комнату слугу из семьи Ань.

На поясе слуги была повязана белая траурная ткань. Он низко поклонился и доложил то, о чем Ань Чанцин уже знал.

Ань Чанци скончался в начале часа Крысы прошлым вечером. К тому моменту, как слуга отправился с вестью, тело уже уложили в гроб. В западном дворе на семь дней установят поминальный алтарь, где знатные монахи прочтут молитвы, чтобы очистить дух от скверны и обид, после чего тело предадут земле. Поскольку умер он молодым и скорой, насильственной смертью, то из опасения встревожить старую госпожу похороны пройдут скромно. Для прощания пригласят лишь самых близких родственников.

Ань Чанцин лишь ответил, что прибудет на похороны, и отослал слугу обратно.

До похорон оставалось еще семь дней. Ань Чанцин подсчитал время и понял, что болезнь матери терпеть больше нельзя. Поэтому, обустроив все необходимые дела, через два дня он

вместе с Ху Шифэем и Те Ху отправился обратно в поместье Ань.

<http://bllate.org/book/18381/1767603>